

гнауюцца некаторыя праявы агрэсіўнасці і прыгнечанасці, поўнай дэзарыентацыі і недаверу, выкліканыя не ў апошнюю чаргу і пралікамі палемічнай дзейнасці журналістаў. Гэтаму спрыяюць слабая распрацаванасць тэарэтычных асноў газетнай палемікі, нізкая эфектыўнасць нарматыўнай базы Закону аб друку, бедная культуралагічная і метадычная падрыхтаванасць журналісцкіх кадраў.

Такім чынам, вывучэнне палемікі ў друку мэтазгодна як у тэарэтычным аспекце, так і прагматычным плане. Прадмет навуковых асноў палемікі ў друку можна вызначыць як абагульненне яе тэорыі і практыкі журналістыкі і выпрацоўку (з улікам дасягненняў сумежных навук) абгрунтаваных метадычных правілаў і рэкамендацый, накіраваных на павышэнне ўзроўню і культуры палемічнага майстэрства.

¹ Гл.: Блажнов Е. А. От полемики к дискуссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Журналистика. 1974. № 2; Прошунин Н. Ф. Что такое полемика? М., 1985; Федосеев П. Н., Попов С. Н. и др. Об искусстве полемики. М., 1982; Ученкова В. В. «Сегодня» газетной полемики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Журналистика. 1966. № 1.

П. П. ТКАЧЕВА

КАЛАМБУР И ГИПЕРБОЛА В СМЕХОВОМ МИРЕ А. Т. АВЕРЧЕНКО

Смех в рассказах и фельетонах А. Т. Аверченко неоднороден по характеру и направленности. Это не только добродушная улыбка, это и шутка, и острота, и различные виды иронии, организованные при помощи разнообразных изобразительных средств и стилистических фигур.

Оригинальные каламбуры А. Т. Аверченко использовал для создания особых оттенков смеха. Так, к октябристу Чикалкину (рассказ «Октябрист Чикалкин») пришел околоточный надзиратель и сообщил, что собрание избирателей, на котором он (Чикалкин) должен был выступать, «...не может быть разрешено.

— Почему? — спросил изумленный Чикалкин.

— Потому. Незапрещенные собрания воспрещаются!

— Так вы бы и разрешили.

Околоточный снисходительно усмехнулся:

— Как же это можно: разрешить незапрещенное собрание. Это противозаконно.

— Но ведь, если вы разрешите, оно уже перестанет быть незапрещенным, — сказал, подумавши немного, Чикалкин.

— Так-то оно так, — ответил околоточный, еще раз усмехнувшись бестолковости Чикалкина. — Да как же его разрешить, если оно пока что незапрещенное? Посудите сами!¹

Как видим, вся эта часть рассказа (и смеховой тонус) держится на каламбуре. Октябрист Чикалкин просит «разрешить незапрещенное собрание» (тогда оно станет разрешенным), околоточный надзиратель не может понять: как это «разрешить незапрещенное собрание». Каждый по-своему прав. Октябрист Чикалкин прав потому, что незапрещенное собрание уже не будет таковым, если его разрешить, околоточный надзиратель — страж законности и порядка — считает, что нельзя разрешить, поскольку собрание не разрешено вышестоящими властями.

Столкновение: с одной стороны, непонимание (околоточный надзиратель), с другой — стремление добиться «разрешения незапрещенного собрания» — (октябрист Чикалкин) проявляет характеры действующих лиц: неколебимый страж порядка — околоточный надзиратель, — для которого, кроме закона, ничего не существует, и октябрист Чикалкин, легковесный политический деятель, требующий нарушить закон.

Перед нами образец снисходительного смеха с элементами наивности, загадочности, хотя последнее организуется уже не каламбуром, а поведением Чикалкина и околоточного:

«— Хорошо, — сказал зловеще спокойным тоном Чикалкин. — Мы внесем об этом в думе запрос.

— Распишитесь, что приняли к сведению, — хладнокровно кивнул головой околоточный»².

«Сказал зловеще спокойным тоном Чикалкин» и «хладнокровно кивнул

головой околоточный» — две противоположные реакции на сложившуюся ситуацию. Угроза Чикалкина и реакция на нее околоточного окрашивают снисходительный смех, организованный каламбуром, в наивный оттенок, а с другой стороны — являются своеобразным мостиком (поведение Чикалкина), связывающим смех в первой части рассказа со смехом в последующих частях.

Значение каламбура, его остроумие как одну из характерных особенностей, естественно, в юмористическом плане, подчеркивал сам А. Т. Аверченко. В рассказе «Алло!» девушка, обращаясь к писателю — герою рассказа (шел беспредметный телефонный разговор, порядком надоевший писателю), попросила: «Расскажите, что вы подделываете?»

Помедлив немного, я раздражаюсь таким каламбуром, услышав который всякий другой человек повесил бы трубку и убежал бы без оглядки:

— Что я подделываю? Преимущественно кредитные бумажки... Этот каламбур приводит ее в восхищение.

— Ах, вечно живой, вечно остроумный!..»³

А вот каламбур иного звучания — злого, ядовитого... В рассказе «Робинзоны» А. Т. Аверченко повествует о том, что во время кораблекрушения спаслись двое — бывший шпик Пров Иванов Акациев и интеллигент Павел Нарымский. По мнению шпики, интеллигент множество раз нарушал законы Российской империи, но подделать с нарушителем Пров Акациев ничего не мог: на острове власти не было. И вот однажды Нарымский, купаясь в море, стал тонуть. Спасать его кинулся бывший шпик (он всегда следил за Нарымским, всюду его сопровождал — профессия такая).

«Нарымский очутился на песчаном берегу. Голова его лежала на коленях Прова Акациева, который заботливой рукой растирал грудь и руки утопленника.

— Вы... живы? — с тревогой спросил Пров, наклонясь к нему.

— Жив... Скажите... Вот вы рисковали из-за меня жизнью... Спасли меня... Вероятно, я все-таки дорог вам, а?..

— Конечно, дороги. По возвращению в Россию вам придется заплатить около ста десяти тысяч штрафов или сидеть около полутора лет...»⁴

К каламбурам А. Т. Аверченко обращался довольно часто и нагрузка у них довольно большая: участие в развитии сюжета, создание комических ситуаций. Основная же цель аверченковского каламбура — организация смеха.

А вот гиперболы в произведениях А. Т. Аверченко, как правило, выполняют две функции. Первая — это когда писатель «выявляет разное в сходном и сходное в разном, делает невозможным уход от обобщения»⁵. Говоря другими словами, через осмеяние (преувеличение) деталей — к отрицанию явления (объекта).

Другая функция аверченковских гипербол (она тесным образом связана с первой) — организация смеха, с помощью которого отрицается вначале частное явление, а в итоге — явление полностью. Возьмем, к примеру, рассказ «История одной картины». Автор на художественной выставке обратил внимание на «странную картину». «Через все полотно шла желтая полоса, по одну сторону которой были поставлены маленькие закорючки черного цвета. Такие же закорючки, но лилового цвета, приятно разнобразили тон внизу картины. Сбоку висело солнце, которое было бы очень недурным астрономическим светилом, если бы не было односторонним и притом — голубого цвета»⁶.

Одним словом, писатель столкнулся (и притом впервые — раньше он о них только слышал) с одним из творений модерниста. Познакомился и с художником, у которого «зеленоватое лицо и такой широкий галстук». Он был и автором этой «удивительной» картины под названием «Четырнадцатая скрипичная соната Бетховена, опус восемнадцатый». (У Бетховена всего десять скрипичных сонат). Писатель и художник договорились: художник больше не будет писать подобных картин, а он, писатель, будет помалкивать об этом его произведении.

И вот заключение: «Через неделю я увидел на другой выставке новую его картину «Седьмая fuga Чайковского, Оп. 9. Изд. Ю. Г. Циммермана». Он не сдержал обещания. Я — тоже»⁷.

Как видим, это произведение направлено против модернизма. Цель автора — развенчать это так называемое искусство, подвести читателя к мысли о ненужности, бесперспективности такого рода «творений»; они ничего иного не вызывают, как только недоумение и отрицательное отношение. Это, повторяю, общая цель автора. Но без решения (осмеяния) частных моментов

(отношения к модернистам, автору картины, развенчания «творения и т. д.) добиться общей цели невозможно. Вся художественная и языковая системы направлены на эти так называемые частности. И среди изобразительных средств не последнюю роль играют гиперболы. Рассказ и начинается гиперболой, которая задает смеховой тон всему произведению: «До сих пор, при случайных встречах с модернистами, я смотрел на них с некоторым страхом: мне казалось, что такой художник-модернист среди разговора или неожиданно укусит меня за плечо, или попросит займы»⁸.

В данном случае гипербола, как это легко заметить, помогает создать презрительную насмешку. В других случаях гипербола А. Т. Аверченко переходит в гротеск — и тогда объект (явление) вызывает чувство гнева. Обратимся снова к рассказу «Робинзоны». Итак, после кораблекрушения спаслись двое: интеллигент Павел Нарымский и бывший шпик Пров Иванов Акациев.

«Раздевшись догола, оба спрыгнули с тонущего корабля и быстро заработали руками по направлению к далекому берегу». Корабль тонет, а они спокойно раздеваются «догола» — невероятно. Но в этом «невероятном» — сущность гиперболы. Весь рассказ держится на своеобразных «гиперболических островках», которые в итоге и создают у читателя гротескное восприятие явления в целом:

«Пров доплыл первым. Он вылез на скалистый берег, дождался Нарымского и, когда тот, задыхаясь, стал вскарабкиваться по мокрым камням, строго спросил его:

— Ваш паспорт!

Голый Нарымский развел мокрыми руками:

— Нету паспорта. Потонул.

— В таком случае я буду принужден...

Нарымский ехидно улыбнулся:

— Ага... Некуда!

Пров зачесал затылок, застонал от тоски и бессилия и потом, молча, голый и грустный, побрел в глубь острова».

В приведенном отрывке хорошо заметны так называемые «гиперболические островки» («...строго спросил его: — Ваш паспорт...» «Пров зачесал затылок, застонал от тоски и бессилия...» и т. д.) Они поддерживают смех на определенном уровне. В таком же ключе выдержаны и остальные три главки.

Интеллигент строит дом. «Акациев, крадучись, приблизился к нему и громко закричал:

— Ага! Попался. Вы что это делаете?

...— А вы строительный устав знаете?

— Ничего я не знаю.

— А разрешение строительной комиссии в рассуждении пожара у вас имеется?»

«Бывший шпик» предупреждает своего подопечного о правонарушениях и не просто предупреждает, он запрещает строить дом («я вам запрещаю возводить эту постройку»), требует сдать оружие («Потрудитесь сдать оружие»), развесил таблички («Езда по мосту шагом», «Не пейте сырой воды»), собирается проводить обыск («А предписание вы имеете? — лукаво спросил Нарымский»), готов даже арестовать («— Арестуйте! Вам придется дать мне помещение, кормить, ухаживать за мной и водить на прогулки»).

Все это, естественно, преувеличения — деформация отдельных проявлений общественной жизни того времени, — но в основе этих «проявлений» — реальность. Полиция усиленно следила за интеллигенцией, все бралось на учет, как это и делает бывший шпик Пров Акациев.

Так, постепенно гипербола, образуя различные оттенки смеха, превращается в гротеск — особую форму смехового письма, которая вызывает гневное осуждение существующих порядков, их неприятие, отрицание.

¹ Аверченко А. Т. Одиннадцать слонов. М., 1989. С. 31.

² Там же.

³ Аверченко А. Т. Избранные рассказы. М., 1985. С. 181.

⁴ Аверченко А. Т. Кривые углы. М., 1989. С. 274.

⁵ Мендельсон М. О. Американская сатирическая проза XX века. М., 1972. С. 23.

⁶ Аверченко А. Т. Одиннадцать слонов. С. 14—15.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 14.